УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЛАБОРАТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

НЕМЕЦКИЕ ЦИВИЛИСТЫ О ЮРИСПРУДЕНЦИИ:

ЮЛИУС ФОН КИРХМАНН, КАРЛ ЛАРЕНЦ

Юлиус Кирхманн

Немецкие цивилисты о юриспруденции: Юлиус фон Кирхманн, Карл Ларенц

«Издательские решения»

Кирхманн Ю.

Немецкие цивилисты о юриспруденции: Юлиус фон Кирхманн, Карл Ларенц / Ю. Кирхманн — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-564118-2

«Три новых слова законодателя и целые библиотеки становятся макулатурой» — крылатая фраза немецкого юриста середины XIX века Юлиуса фон Кирхманна, который подверг сомнению статус юриспруденции как науки. В 1966 г. известный немецкий цивилист и специалист в области методологии права Карл Ларенц выступил со встречным докладом, где попытался опровергнуть тезисы Кирхманна. Настоящая книга предлагает переведенный на русский язык полный текст выступлений обоих юристов.

ISBN 978-5-00-564118-2

© Кирхманн Ю.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие 6
Юлиус фон Кирхманн. О бесполезности юриспруденции как науки 8
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Немецкие цивилисты о юриспруденции: Юлиус фон Кирхманн, Карл Ларенц

Юлиус Кирхманн
Карл Ларенц

Перевод Трушникова С.С.,
канд.юрид.наук, LL.M. (Freie Universität Berlin),
научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Уральского федерального университета имени первого Президента РФ Б.Н. Ельцина

Переводчик С. Трушников

© Юлиус Кирхманн, 2022
© Карл Ларенц, 2022
© С. Трушников, перевод, 2022

ISBN 978-5-0056-4118-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

«Три новых слова законодателя и целые библиотеки становятся макулатурой». Фраза немецкого юриста середины XIX века Юлиуса фон Кирхманна, ставшая афоризмом, который снова и снова используется в юридической литературе. Читателю настоящего пособия предлагается доклад Ю. Кирхманна «О бесполезности юриспруденции как науки», где прозвучали эти крылатые слова, а также опубликованный в 1966 г. в опровержение тезисов Кирхманна доклад известного немецкого цивилиста и специалиста в области методологии права Карла Ларенца «О необходимости юриспруденции как науки».

По меткому выражению Фридриха Хайека, нормы права выступают особыми орудиями производства по прогнозированию поведения людей.[1] Поэтому вопросы, поставленные авторами в своих докладах – что есть право, что составляет предмет юриспруденции, является ли она наукой, каковы пределы толкования закона и в чем роль суда в развитии права – по своей проблематике затрагивают основной нерв юриспруденции и претендуют остаться вечными в том значении, что каждое поколение юристов должно искать и находить для себя ответы на эти вопросы. При этом «… следует всегда четко различать и фиксировать уровень и степень „права в праве“, т.е. то, что в праве от глубинных начал цивилизации и культуры, и, с другой стороны, то, что в нем от политики, от воли властвующих групп и личностей, диктатуры, тоталитаризма и т.д.»[2].

В своем докладе Ю. фон Кирхманн подверг юриспруденцию нещадной критике, не жалея для этого острых эпитетов: «Обитая в позитивных законах, юристы стали червями, которые живут лишь за счет гнилого дерева, чураясь здорового материала. … Выбирая случайное предметом своего исследования, наука сама становится случайностью». Как мы видим по дальнейшей биографии Кирхманна, его провокационные тезисы не были популистскими, сделанными лишь для известности, которой, впрочем, ему удалось добиться. Юридическая деятельность Кирхманна как таковая после доклада пошла на убыль (на следующий год с должности прокурора Берлина он был назначен, а по сути отослан на должность заместителя высшего суда в Ратиборе (сейчас – польский Рацибуж) в Силезии) и сменилась политической карьерой и работой в законодательных органах в период «культуркампфа».

В 1966 г. Карл Ларенц на собрании Берлинского Юридического сообщества выступил с докладом «О необходимости юриспруденции как науки», который задумывался как прямое противопоставление речи Кирхманна (текст доклада на немецком языке опубликован на сайте Берлинского юридического сообщества: https://dev.juristische-gesellschaft.de/schriftenreihe; тетрадь 26[3]). В своем выступлении Ларенц попытался реабилитировать правовую науку, показав и обособленность ее предмета, и ее самостоятельность, и значимость. При всем противопоставлении заголовков невозможно не увидеть ту огромную степень уважения и признательности, которую испытывает известный немецкий правовед XX века перед Ю. Кирхманном. Признательности за ответственность и мужество, с которыми вышел Кирхманн, оглашая негативные проявления юриспруденции в годы ее выхолощенности, вторичности и напыщенной назидательности. Ларенц пишет, «насколько легко можно опровергнуть лежащие на поверхности аргументы Кирхманна, но его эстафетная палочка как испытание, которому мы должны

[1] См.: Хайек Ф. Дорога к рабству. – М.: Аст, 2021. С. 132. Аналогичен взгляд у И. А. Покровского: «…. право есть некоторая социально-психологическая сила, регулирующая поведение людей; оно есть некоторое состояние общественного сознания и общественной воли, заключающее в себе психическое принуждение индивида к известному поведению» (Основные проблемы гражданского права. – М.: Статут, 1998. С. 60).

[2] См.: Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999. С. 223, сн. 1.

[3] https://www.juristische-gesellschaft.de/pdf/Schriftenreihe-26.pdf

себя подвергнуть, уже передана». Как известно, самое темное время суток приходится на часы перед рассветом. И Кирхманн не мог и предположить, что буквально несколько десятилетий после его доклада немецкая юриспруденция конца XIX века предложит миру ту степень правового осмысления жизненных отношений и уровень абстрактности правового регулирования, которые будут оставаться одним из стандартов юридического качества и век спустя.

Обращает на себя понятие, которое дает К. Ларенц определению науки в современном контексте. Для него это «любой поддающийся рациональной проверке процесс, который при помощи определенных, ориентированных на предмет способов мышления нацелен на приобретение структурированных знаний», что не может не включать сюда и юриспруденцию.

Повторимся, что вопросы, обсуждаемые в указанных докладах, универсальны, для любой эпохи и любой страны. Когда в 1921 г. судья Верховного суда США Бенджамин Н. Кардозо рассуждал о природе судейской деятельности, положения немецкоязычных юристов и социологов заняли в его книге почетное место. Со ссылкой на Ойгена Эрлиха Кардозо пишет, что в «долгосрочной перспективе нет никакой гарантии справедливости, кроме как в личности судьи»[4]. Одновременно с этим мы наблюдаем аналогичные рассуждения на ту же тему на другом конце планеты в стране с другим общественно-политическим строем. В 1922 г. В. И. Ленин писал: «Есть ли высокомерие в том взгляде, что законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая всероссийская и даже единая для всей федерации Советских республик? … Законность должна быть одна, и основным злом во всей нашей жизни и во всей нашей некультурности является попустительство исконно русского взгляда и привычки полудикарей, желающих сохранить законность калужскую в отличие от законности казанской»[5].

В заключение необходимо отметить, что в XIX веке многие немецкие правоведы опубликовали свои работы по теме места юриспруденции среди наук (Р. Йеринг, Б. Виндшейд, Й. Колер и многие другие). Разнообразие взглядов и доводов в их обоснование в очередной раз подтверждает сквозной характер юриспруденции, той науки, которая как зеркало отражает достижения и пороки современного ей общества и государства.

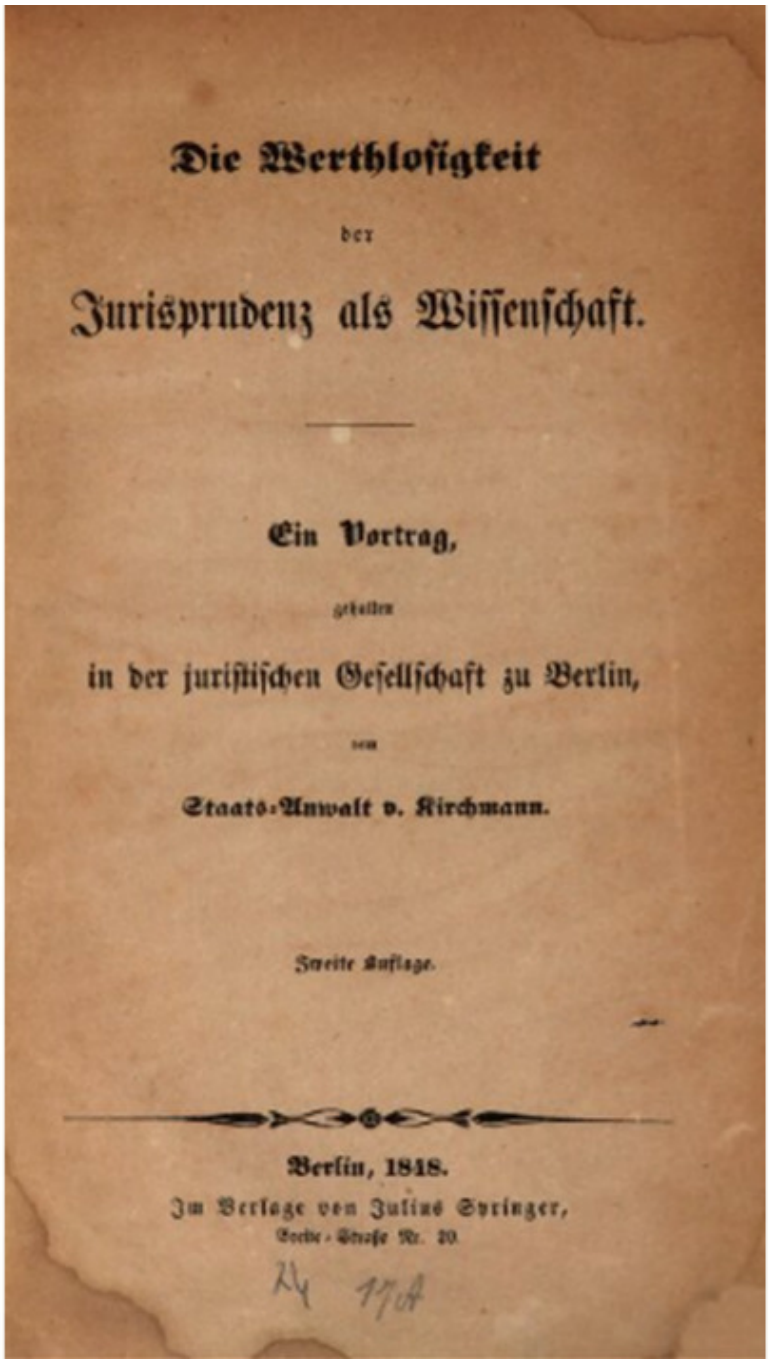
Трушников С. С.

[4] См.: Кардозо Б. Н. Природа судейской деятельности. – М.: Статут, 2017. С. 14.

[5] См. Ленин В. И. О «двойном» подчинении и законности // ПСС. Т. 45. С. 198.

Юлиус фон Кирхманн. О бесполезности юриспруденции как науки

Доклад прокурора Юлиуса фон Кирхманна на собрании Берлинского Юридического сообщества в 1848 г.

Die Werthlosigkeit

der

Jurisprudenz als Wissenschaft.

Ein Vortrag,

gehalten

in der juristischen Gesellschaft zu Berlin,

von

Staats-Anwalt v. Kirchmann.

Zweite Auflage.

Berlin, 1848.

Im Verlage von Julius Springer,

Goethe-Straße Nr. 20.

24 1704

Введение

Просьба многих знакомых – вот причина, по которой мною напечатаны следующие строки. Да я и сам вполне согласен с тем, что книга – лучшее средство, чтобы избежать недо-

понимания и кривотолков, которые непременно возникают при устном докладе не вполне привычных мыслей.

Моему читателю я заранее приношу извинения за свое особое ораторство. Устный – а значит бóльшей частью свободный – доклад соделывает использование тех или иных фраз необходимым и даже неизбежным.

О бесполезности юриспруденции как науки

Тема моего доклада сегодня может легко дать повод к мысли, что для меня важнее всего было использование пары пикантных слов, не заботясь о глубине истины самого вопроса. Такие предубеждения я хотел бы сразу развеять. Подобный замысел мог бы оказаться стоящим и вполне развлекательным, когда к тому имеешь должные таланты. Но я намерен отказаться от такого способа обсуждения темы уже из того уважения, которого заслуживает репутация Юридического сообщества и серьезный склад ума его членов. Поэтому заранее подчеркну, что все, что я позволю себе высказать, является моим твердым убеждением и что притом сама правда была моей целью, даже если ее не будет дано достичь.

Заявленная тема страдает некоей двусмысленностью. Бесполезность юриспруденции как науки может как-то означать, «что юриспруденция пусть и наука, но она не оказывает влияния на действительность и жизнь народов, которое полагается и присуще каждой науке». Это может также означать, что «юриспруденция как наука бесполезна теоретически, она не является наукой и не дотягивает до подлинного значения этого понятия». Данную двузначность, которая непроизвольно закралась в мою тему, я не буду отвергать. Смысл темы, обращенный в два направления, отразит все, что я хотел вам сообщить.

Меж тем такого рода заявления звучат сегодня не совсем обычно. Да, святость и величие юриспруденции еще непоколебимы и повсеместно признаны! И все-таки не встречаемся ли мы ежедневно с такими проявлениями, которые вполне способны вызвать размышления и дать закрасться сомнениям к такой аксиоме? Кому не приходилось испытывать глубокое чувство пустоты и неудовлетворенности от работы юристов-практиков? В какой иной отрасли литературы, кроме юридической, можно найти наряду с хорошими произведениями такое нагромождение бездуховных и безобразных книг?

Святая юстиция продолжает до настоящих дней быть предметом насмешек в народе. Самые образованные люди, даже когда они правы, чураются оказаться в ее объятьях. Напрасно они пытаются разобраться в формах и процедурах юстиции. Какая масса законов и не меньшая масса пробелов! Какая армия чиновников, но насколько же медленно правосудие! Какие затраты на учебу и ученость, но какая нестабильность, неопределенность в теории и практике. Государство, которое ставит реализацию права своей высшей задачей, лишь с огромными расходами оказывается способным решить ее в каждом отдельном случае!

Притупляющая сила привычки скоро сделает безразличной к подобным проявлениям даже лучшую часть юристов, а когда обычный дилетант вызовется высказать свое мнение – мы поспешим заткнуть его, ибо он ничего не понимает в праве. И эти проявления настолько сильны, что их можно считать признаками более глубоких диспропорций, и в то же время они настолько значительны, что попытка найти их более глубокие причины может вполне заслуживать интерес со стороны столь почтительной публики.

Юриспруденции, как и любой другой науке, приходится иметь дело с предметом, который самостоятелен, существует свободно и независимо сам по себе, не заботясь о том, существует ли наука, понимает ли она его или нет. Этим предметом для юриспруденции является право, которое живет в народе и реализуется каждым отдельным лицом в своем круге. Такое право можно назвать натуральным (das natürliche Recht). Те же отношения существуют во всех других науках. Природа как предмет естественных наук означает, как расцветают цветы, как

плодятся животные, и неважно, знает или нет физиолог их сути или силы. Душа является предметом психологии. Дух в его простой мыслительной деятельности выступает предметом логики. Люди не могут чувствовать и мыслить по иному, как только по структуре данных наук. Даже математика имеет дело с объектами, не созданными ею самой. Хотя соотношение пространств и чисел является абстрактным, однако они всегда абстрагированы от действительности. Закон Пифагора существовал еще до того, как Пифагор его открыл. Даже у философов в качестве предмета, в которую проникает наука, есть своя действительность, а именно абсолютное и вечное. И пусть последние веяния в философии пытаются отменить данное противопоставление этой науки и ее предмета, по понятным причинам оставим сегодня их в стороне. Любая предполагаемая идентичность бытия и знания даже у великих мыслителей наблюдалась лишь в начале их системы. Но в ходе развития она всегда обращалась в свою противоположность. Даже когда мы природу назовем не «природой», а «бытием как иной формой идеи», то это не отменит данного противопоставления, оно лишь переместится из основного понятия в его эпитет.

Итак, предмет юриспруденции – право, и если посмотреть внимательнее, то таковыми будут являться самые разнообразные формы брака, семьи, собственности, договоров, наследования имущества, различия сословий, отношение правительства к народу, а наций – друг к другу. Самостоятельность права по отношению к науке – постулат чрезвычайной важности, который ранее часто ставили под сомнение либо пытались ограничить, но простых соображений достаточно, чтобы обосновать его несомненную точность. Народ вполне может существовать и без науки права, но никогда без самого права. Да, право должно развиться до достаточно высокого уровня, прежде чем возникнет мысль о науке права, а народ приступит к ее созданию. Вся история только подтверждает эту мысль. В Древней Греции публичная и семейная жизнь достигли значительного развития, а наука права едва успела сделать первые шаги. То же самое произошло и с Древним Римом вплоть до падения Республики, и с германскими и романскими народами в Средневековье до времен глоссаторов.

По сравнению с предметом других наук различия в праве могут здесь вызвать определенные сомнения. Ведь это тот момент познания, в который праву становится присуще быть также предметом науки. И в этом различии есть своя правда. Народ и без юриспруденции знает о своих правах, но такое знание не есть наука. Оно основано на темных сторонах чувств, темных сторонах естественного такта. Это лишь знание о праве в каждом отдельном случае. У каждого народа имеются свои абстрактные понятия о праве, свои пословицы, которые весьма далеки от науки независимо от того, как часто они применяются. Аналогия с лингвистикой будет тут вполне уместной. У ее предмета также есть момент познания. Отдельное лицо может точно знать, как использовать в разговоре падежные и временные формы, и при этом ему может быть неизвестно само название науки языка – грамматики.

Тем самым задача юриспруденции состоит в том же, что и у других наук. Она должна понять свой предмет, найти свои законы, в итоге разработать понятия, установить родство и взаимосвязи отдельных образований и, наконец, обобщить свои знания в простую систему. Исходя из моей темы, возникают следующие вопросы: как решила юриспруденция свою задачу? Что она сделала по сравнению с другими науками? Ушла ли она вперед или осталась позади?

Можно предположить, что упомянутый момент познания, который изначально является присущим его предмету, наделяет юриспруденцию значительным преимуществом по отношению к прочим наукам. Несмотря на это история учит нас обратному. У древних греков все иные науки были чрезвычайно развиты, и лишь юриспруденция, за исключением публичного права, оставалась полностью незрелой. Римские юристы в имперский период наверстывали упущенное в уголовном и частном праве, и благодаря их работам юриспруденция опередила тогда

остальные науки. В Средние века, как можно судить по работам того времени, долгий период существовало то же соотношение. Но со времен Бэкона происходит его полное изменение.

Принцип эмпирического наблюдения, подчинение любой спекулятивной идеи опыту, благодаря которому юриспруденция римских классиков достигла своего превосходства, был принят на вооружение каждой наукой. И результаты использования новых методов не заставили себя ждать. Открытия последовали одни за другими. Если ранее все, что предыдущее столетие утверждало своими мечтательными рассуждениями, новое столетие отметало, заменяя это своими спекуляциями не лучшего свойства, то теперь все встало на крепкую почву. Работы и открытия одного столетия оставались для последующих веков прочной основой, на которой древо науки разрасталось и достигало несоизмеримых высот. Напротив, юриспруденция со времен Бэкона застыла на месте. Ее правила, ее понятия с тех пор утратили свою точность. Противоречий становилось все больше, и даже когда, казалось, самые тщательные исследования вели к надежным неопровержимым результатам, не проходило и десятилетия, чтобы спор не начинался сызнова. Труды Кюжо (Cujatius) и Донно (Donell), Готоманна (Hottomann) и Дуарена (Duaren) до сих пор считаются образцами, а современники не в силах предложить ничего нового. Это признается даже корифеями науки.

Но подобными резкими заявлениями я не хочу считать проблему разрешенной, а мою задачу – выполненной. Прямые доказательства моей темы требуют, чтобы я дал общее понятие науки и обобщил достижения юриспруденции. Подобный метод доказывания был бы связан со значительными трудностями, а незначительное время для моего доклада делает его совершенно невыполнимым. Кроме того, результаты будут настолько поверхностны, что истинные причины различий останутся нераскрытыми.

Поэтому я избрал другой путь. Если предположить верность моего утверждения, что юриспруденция как наука бесполезна, то вину в том не могут нести люди. Вину несут не слуги науки! Да, есть множество примеров, когда в определенные периоды отставание науки объяснялось виной ее тамошних кураторов и специалистов. Но на протяжении веков, когда вообще существовала наука, подобное было невозможно. Это противоречит самой природе человеческого духа, который был и остается творящей силой независимо от предмета, к которому он обращается. Если юриспруденция действительно осталась позади других наук, то только в ее предмете, то есть в законах, может скрываться причина, по которой сдерживающие скрытные силы, присущие ее предмету, противятся усилиям человеческого духа в этой сфере.

Поэтому правильным способом начала исследования моей темы будет сравнение предмета юриспруденции с объектами других дисциплин. Такой способ при его успехе даст двойную пользу. Он приведет к доказыванию тезиса самого по себе, а кроме того позволит увидеть его причины. При использовании сравнительного метода наши наблюдения приведут ко множеству самых различных выводов, которые будут свойственны лишь праву, не затрагивая предметы других наук.

Первая особенность, которая здесь возникает – это подвижность натурального права как предмета юриспруденции. Солнце, Луна, звезды светят сегодня так же, как они делали это тысячелетия назад, а розы цветут так же, как когда-то в раю. Право же со временем становится другим. Брак, семья, государство, собственность проходят через множество образований. Такую подвижность материала принято именовать непрекращающимся развитием отдельных институтов права. Подобный прогресс, движение как таковое без учета его содержания и направления, обычно называют преимуществом права.

Подобные утверждения резко бросаются в глаза. Человечество будет поставлено в несказанно лучшие условия, если с самого начала ему в распоряжение будет предоставлено совершенное органическое тело. Так почему же оно не станет намного счастливее от того, что ему равным образом будут предложены правовые институты, которые наилучшим образом будут отвечать каждому состоянию человеческих образований? В чем состоит то преимущество

и счастье, когда народы столетиями ведут борьбу, испытывают мучения и боль, чтобы добиться столь желанных благ?

Эти сомнения оставим за рамками нашей темы. Рассмотрим сам прогресс, будь он преимуществом или недостатком. Главный вопрос, который должен здесь прозвучать, состоит в том, какие последствия для науки влечет такая подвижность ее предмета. Ответ на этот вопрос не может вызывать сомнений. И последствия для науки, стоит признать, самые негативные. В природе любой науки лежит долгое созревание истины через преодоление заблуждений любого рода. Законы же являются результатом общих многовековых усилий их творцов. Для любой другой науки каждый медленный шаг не влечет столь же значимого вреда. Земля продолжает крутиться вокруг Солнца, как и тысячу лет назад. Деревья и животные растут так же, как и во времена Плиния. Когда законы их природы и сил открываются в результате долгих усилий – они продолжают быть истинными для современности так же, как и в прежние времена, и остаются такими на все времена.

Совсем по иному с юриспруденцией. Если после многолетних усилий будет найдено верное понятие или будет найден закон в одном из его содержаний, то к тому времени предмет уже изменится. При его постоянном развитии наука все время опаздывает, никогда не достигая современности. Она словно путник в пустыне: цветущие сады, колышущиеся моря виднеются ему. Путник бредет весь день, но к вечеру он все так же далек от цели, как и утром того же дня. Со времен Гёте постарались многое улучшить, но насмешка его Мефистотеля о сухости теории сегодня столь же актуальна, по крайней мере, для публичного права. Понятие греческого государства было осознано лишь тогда, когда оно уже распалось. Наука о строгих институтах римского права достигла своего пика, когда jus gentium [лат. общее право] уже вытеснило их. Дух и превосходство государственного устройства германской империи были распознаны лишь в момент, в который Наполеон не оставил от них и следа. В этом и состоит первый из главных пороков, которым страдает наша наука и из которого вытекают самые разнообразные, сдерживающие ее последствия.

Следующим недостатком является враждебность, с которой наука встречает развитие права. Ведь настолько удобно оставаться жить в старом, хорошо возведённом, всюду знакомом доме, чем из года в год покидать его и строить новый, пытаясь сориентироваться в нём. И даже если наука уступает прогрессу, в ней остается доминирующей склонность к тому, чтобы втискивать явления современности в известные категории умирающих образований. Уже римское право дает множество подтверждений сказанного. Все эти actions utiles, quasi-delicta, quasi-contractus, quasi-possesio [лат. иски по аналогии, как бы деликты, как бы договоры, как бы владение], эти модели свободных институтов поздней эпохи по образцам прежних строгих времен – все это примеры названной склонности.

Немецкие юристы следуют этому пути еще с большей решительностью. Немецкий брак и отцовская власть, немецкие сервитуты и отношения сословий насильно были помещены в понятия римского права, с которыми они едва имеют что-то общее, кроме названий. А там, где предмет этого процесса встречал сильное сопротивление, его свободный научный анализ отсутствовал в такой степени, что довольствовались ничем иным, как объявлением того или иного вопроса usus modernus (лат. рецепцией римского права).

И пусть сегодня такие меры юристов повсюду осуждаются в качестве ошибки, но это ошибка, которая держалась веками и так укоренилась у всех, доказывает, что влечение к тому имело причины в самой сути вещей. Подобный процесс у римских юристов и сегодня считается образцом. Столь странно, что в юриспруденции, нежели в иных науках, в качестве верного метода считается возможным создание любого нового образования без углубления привнесенных с ним представлений и далее основанной на нем разработкой новых понятий и законов. Не каждые правовые образования, которые возникают одно за другим, следуют именно из предыдущего. Частное право начала римского государства было очевидным образом про-

дуктом жесткого деспотизма, которое аристократия и жрецы использовали против народа. Застывшие формы и формулы сдерживали торговый оборот и реализацию прав; сокрыто было даже знание о днях, когда такие права были разрешены. Развитие частного права в республиканскую и имперскую эпохи не что иное, как последовательное освобождение права от этих оков. Противясь этому движению, римские юристы с упрямой дотошностью придерживались старых сковывающих институтов и использовали их в качестве основной формы для образований нового времени. Поэтому и возникла та раздвоенность, которая прошла сквозь всю систему римского права, то немыслимое противопоставление между застывшими формами и свободной подвижностью, между буквоедной строгостью и вольной справедливостью.

Данная опасность, вытекающая для науки из особенности предмета, сопровождала ее и раньше, когда наука полностью забывала для современности право прошлое и гордо передавала презренному промыслу практиков право современное. Как же соблазнительно заново засеять поле, которому не сможет последовать основная масса, где особо ярко будет сиять блеск учености, зная, что даже самые бессмысленные результаты не смогут быть опровергнуты здравым человеческим разумом. Историческая школа дает тому достаточно примеров, которые даже корифеев науки не в силах сдвинуть к срединному пути.

В любом случае наука права в силу подвижности ее предмета обременена тяжелым балластом – изучением прошлого. Современность права уже сама по себе. Прошлое мертво, его ценность лишь в том, чтобы быть средством понимания настоящего и овладения им. Когда природа предмета требует такой окольный путь, застилающий взор, наука должна под него подстраиваться. Насколько было бы лучше для юриспруденции, если бы она, подобно естественным наукам, могла непосредственно взаимодействовать с предметом. Но этот балласт образований прошлого поглощает массу самых лучших сил. И порок тем больше, чем более худыми и иссохшими являются источники утекшего права. Ни в один из дней нельзя быть уверенным, что предвидение, достигнутое прилежанием столетий, не будет разрушено до основания найденным старым пергаментом. Лишь в языкознании наблюдается схожий процесс. Его предмет также составляет постоянное развитие, но языкознание находится в несоизмеримо лучшем положении, чем юриспруденция. Ибо прошлое ее предмета сохранено и доступно в старых документах и книгах во всем их величии.

Продолжая сравнение, мы находим другую особенность предмета юриспруденции, когда право выступает не только знанием, но и чувством. Предмет юриспруденции находится не только в голове, но и в груди человека. Объекты других наук свободны от таких придатков. Представляет ли свет волнообразное движение эфира или прямолинейное движение частиц, могут ли алгебраические уравнения четвертой степени решены прямо или нет – все это очень интересные вопросы, но для их решения чувства никогда не будут играть роли. И один, и другой способ решения равно приветствуются: важно, чтобы была достигнута истина.

В праве же, напротив, какое ожесточение, какие страсти, какая заинтересованность смешиваются в поиске истины. Все вопросы публичного права прошли через это. Идет ли речь о конституции, свободе прессы или цензуре, выборе между двумя или одной палатами, эмансипации евреев, сохранении телесных наказаний – достаточно назвать уже эти вопросы, чтобы грудь каждого юриста всколыхнулась. То же самое и в частном праве: будь ли это допустимость брака между евреями и христианами, подлежащие применению основания для расторжения брака, допустимость наследования по старшинству, отмена права на охоту на чужой земле – по этим и почти по всем остальным правовым вопросам чувство дает ответ еще до того, как начнется их научное изучение.

Данное своеобразие права отнюдь не стоит воспринимать как его недостаток. Напротив, именно в этом может находиться его особая ценность. Но главный вопрос моего выступления состоит в том, влечет ли это для науки преимущество или обременение. И здесь мы явственно видим, что для научных исследований в том лишь одно обременение. Чувства никогда и нигде

не были критерием истины. Это результат воспитания, привычек, занятий, характера, иными словами, случайности. Что вызывает отторжение у одного народа, может восхваляться в другом. Поэтому если нет желания отклоняться от поиска истины, то первое к тому условие – это отказ от столь опрометчивого попутчика, что, впрочем, никому из исследователей права еще не удалось. Даже самая сильная воля не может полностью устранить мощного влияния воспитания и привычек. Результаты такого воздействия мы видим повсюду. Все важные темы становятся партийными вопросами. Истина напрасно ждет беспристрастного исследователя. Светочи науки уже присоединились к той или иной партии, неважно задали они себе этот вопрос или нет. Даже если бы истина была найдена – страсти заглушили бы ее голос. Поэтому в праве лишь время с его успокаивающей силой может переступить через эти пороги, прежде чем появится наука и свободно можно будет заняться поиском истины, но, чаще всего, к тому времени это уже оказывается поздно.

Какое различие в этом проявляется между юриспруденцией и естественными науками! Какое единодушие, какое мирное сосуществование царит в последних! То, что открывается одним, с благодарностью принимается остальными. Все вместе работают над воздвижением единого целого. Если и возникает страсть, то только от тщеславия. А раз эта страсть не покоится на предмете – она вскоре исчезает. У такого своеобразного института как цензура существует столь естественная основа именно из-за связи права с чувствами. Уже этого достаточно, чтобы цензура могла отмести любые доказательства науки. Нападки на старые, ставшие столь любимыми нравы, против всего, что составляет свято действующее право, возмущает юриста. Как это естественно, когда власть начинает защищать свои взгляды внешними силами. В итоге юриспруденция – и только она – оказывается в новых оковах. За естественными и прочими науками сохраняется приятная привилегия по самозащите. Вроде бы везде звучит одно и то же: научное исследование, в том числе правовое, должно быть свободным, но на пути передачи знаний народу возникают преграды. Ведь это то же самое, как если бы сказать строителю: «Ты свободен в рисовании дома, но строить его не вправе».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.